

Абаев Георгий

Потерянное дерево

Абаев Георгий

Потерянное дерево

<https://litres.ru/74172307>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Потерянное дерево» — пронзительная семейная сага о любви, долге и предательстве, основанная на реальных событиях.

Сэмюэль и Ингрид построили дом, посадили яблоню и вырастили сына Габриэля, вложив в него всё, что у них было: надежду, тепло и веру в продолжение рода. Но когда Габриэль уходит на войну, оставляя молодую жену Райану и новорождённого Эдвина, их мир рушится. А вскоре выясняется страшная правда, которая перечёркивает всё, во что они верили.

Эта история — о том, как рушатся корни, когда ложь прорастает в самое сердце семьи. И о том, можно ли выжить, когда от твоего дерева остаётся только пень.

«Человек умирает трижды: в последний вздох, на похоронах и в миг, когда на земле стирают последнее упоминание его имени; эту книгу я пишу корнями вверх, чтобы отсрочить третью смерть.»

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Потерянное древо

Глава

Потерянное древо.

Содержание

- 1) Глава первая: “Построить дом”.
- 2) Глава вторая: «Посадить дерево».
- 3) Глава третья: «Вырастить сына».
- 4) Глава четвёртая: «Юность».
- 5) Глава пятая: «Взросление».
- 6) Глава шестая: «Свадьба».
- 7) Глава седьмая: «Продолжение рода».
- 8) Глава восьмая: «Преданность».
- 9) Глава девятая: «Мама».
- 10) Глава десятая: «Пустота».
- 11) Глава одиннадцатая: «Потерянное древо».

Автор: Абаев Георгий

В сюжет этой книги легла история, основанная на реальных событиях. Названия городов, имена изменены.

«Человек умирает трижды: в последний вздох, на похоронах и в миг, когда на земле стирают последнее упоминание

его имени; эту книгу я пишу корнями вверх, чтобы отсрочить третью смерть.»

Эту книгу посвящаю родителям Георгия и вечной памяти о нём.

Глава первая: “Построить дом”.

История эта начинается в селении Нью-Джорджия, что затерялось среди холмов неподалёку от города Манхэтак. Сюда редко заезжают чужаки — не потому, что дороги плохи, а потому, что село словно прячется от суетливого мира. В нём проживает ни много ни мало десять душ, в основном коренные сельчане, связанные друг с другом не только соседством, но и кровными узами. Само собой, здесь каждый каждого знает наперечёт: и чьи коровы сегодня не дали молока, и у кого в саду зацвёл жасмин, и кто вернулся из города не в духе.

Улицы в селе широкие, немощёные, летом они зарастают мягкой травой, по которой приятно идти босиком. Дома, сложенные из тёсаного камня и брёвен, пропахли за десятилетия дымом очагов, кислым духом квашеной капусты и сладковатым ароматом сушёных яблок. Из дворов доносится

разноголосый лай собак — то приветливый, то тревожный, — который то и дело перебивается мерным, сонным мычанием коров, возвращающихся с пастбища. Летом здесь всё тонет в зелени: клёны и орехи развесили свои шатры, а палисадники горят флоксами и георгинами. Запах цветов струится из каждого переулка — густой, чуть горьковатый, с медовыми нотками, — и он так убаюкивает разум, что забываешь, зачем вообще когда-то хотел куда-то уезжать.

Днём многие сельчане ездят на работу в город — кто на старых пикапах, кто на автобусе, и тогда село затихает, словно набираясь сил перед вечером. А вечером, когда спадает дневная жара и тени от деревьев вытягиваются, ложась длинными, прохладными языками поперёк дорог, соседи сами собой стекаются к чьему-то крыльцу. Сначала — неспешный разговор через плетень, обмен новостями и сплетнями, ленивое «ну как ты?». Потом находится тот, кто бросает: «А давай-ка у нас». И вот уже под старым грецким орехом дымится мангал: угли в нём пышут алым жаром, выбрасывая в сумеречное небо снопики искр, а на шампурах шипит мясо, истекая соком и роняя капли на раскалённый металл — те взвизгивают, превращаясь в дымок. Вокруг небольшого стола, сколоченного из грубых досок, в которые въелась соль и жир, садятся вперемешку молодые и седые, свои и заезжие. В ход идут нарды, карты, а то и самодельные шашки, вырезанные из коры. Хохот, вскрики, щелчок карты по сто-

лу, drobный стук костяшек. И кажется тогда, что не время идёт мимо тебя, а ты сам стоишь в самой его сердцевине — тёплой, хмельной и бесконечно своей.

Своей эту землю считает и Сэмюэль. Он невысок — метр семьдесят, фигура обыкновенная, даже невзрачная на первый взгляд. Плечи узкие, руки жилистые, с прозрачной, почти пергаментной кожей на тыльной стороне ладоней, сквозь которую тёмными нитями проступают вены. Сквозь выцветшую футболку цвета хаки легко угадываются рёбра — словно какая-то давняя война, а может быть, долгая бедность обточили его до самого главного, отсекали всё лишнее. Ему всего тридцать пять, но взгляд у него долгий, немигающий, с той странной пустотой, которая бывает у людей, слишком много видевших. Он не любит говорить о прошлом — лишь усмехается углом рта, когда кто-то пытается расспрашивать. Известно лишь, что он приехал в Нью-Джорджию много лет назад, не имея за душой ничего, кроме любви. Любви к Ингрид.

Она была родом из этого села, и Сэмюэль, тогда ещё молодой, бедовый парень, увидел её случайно — на ярмарке в Манхэтаке. И всё. Дальнейшая его жизнь разделилась на «до» и «после», и «до» стремительно потеряло значение. Он пошёл за ней на край света, а в итоге — в эту глушь, где его сначала встречали настороженно, покусывая губы и пря-

ча улыбки.

Ингрид не была высокой — чуть ниже среднего роста, — но в ней жила та особая стать, когда цифры уже не важны. Тяжёлые чёрные волосы, гладкие и блестящие, как крыло ворона, падали на плечи тяжёлой, почти непослушной волной. В них всегда пахло дымом и мятой. Она могла показаться строгой — до тех пор, пока не улыбалась, а улыбалась она редко, но так, что у любого, на кого падал этот свет, захватывало дух. У неё были чёткие линии скул, плавный, чуть властный подбородок и брови, выгнутые так, будто их рисовал азиатский каллиграф — одним изящным, уверенным взмахом.

И конечно, глаза — тёмные, глубокие, с золотистыми искрами в глубине, — они сводили с ума всех, на кого падал её взгляд. В селе поговаривали, что в жилах Ингрид течёт цыганская кровь; она не подтверждала, но и не отрицала.

Отец Ингрид, старый суровый Патрик, долго, но под конец смягчился. Он подарил дочери и её мужу добрый клочок земли на краю села — с видом на реку. Сэмюэль, привыкший всё делать своими руками, за один сезон построил дом. Небольшой, с одной стороны — летняя кухня, сложенная из камня, с другой — сам дом из двух комнат. Полы настелил из широких дубовых плах, которые годами темнели, набирая благородную глубину. Ингрид же наполнила это жильё сво-

им женским теплом: повесила белые занавески, вырастила на окнах герань, разложила по углам лавандовые мешочки. И дом задышал, зажил своей жизнью.

К ним всегда тянулись соседи. Ингрид встречала всех неторопливым «заходите, я как раз кофе сварила», и женщины, вздыхая, рассаживались на кухне — тесно, колено к колену, — и текли разговоры о детях, о ценах, о том, кто с кем поссорился, а кто помирился. Мужчины собирались во дворе: Сэмюэль выносил старенькие нарды, разливал по кружкам домашнее пиво, кто-то приносил колоду карт. Толковали о политике, о погоде, о положении в мире — и точно та же бесконечность, какая царила под орехом у мангала, поселялась и здесь.

Так и текла их жизнь — в любви, в простых радостях, в запахе жареного мяса и утреннего кофе. Ингрид знала, что Сэмюэль не скажет лишнего слова, но, когда она засыпала, он порой гладил её волосы так бережно, словно она была самым хрупким и драгоценным, что у него есть. А Сэмюэль знал: пока она рядом, эта земля, этот дом, это небо — всё имеет смысл...

Глава вторая: «Посадить дерево».

Сэмюэль работает в коммунальной фирме водителем —

возит инструменты, доставляет сменные бригады, развозит документацию. Машина у него старая, грузовая, с пробитым глушителем, и её голос слышен ещё за два квартала. Ингрид трудится там же кассиром в расчётном отделе. Их рабочие места — на разных этажах, но в обеденный перерыв они неизменно встречаются в небольшой комнатке для курения, хотя ни тот ни другая не курят. Просто им нужно эти полчаса быть рядом: молча, с чашкой дешёвого растворимого кофе, иногда касаясь пальцами.

Все на работе знают их и любят — от сурового начальника, который улыбается только при них, до уборщицы миссис Браун, которая всегда оставляет для Ингрид свежую газету. Их называют «голубки» и «образец для подражания». И в самом деле: он — немногословный, с затаённой грустью во взгляде, она — тихая, но с той внутренней силой, что чувствуется на расстоянии. Вместе они создают ощущение надёжности, как старая каменная стена, пережившая не одно землетрясение.

Долгое время Ингрид не могла иметь детей. Эти годы тянулись как бесконечная вереница приёмов у врачей, анализов, народных средств и молитв, которые она шептала ночью, думая, что Сэмюэль спит. Но он не спал. Он слышал и молча обнимал её сзади, утыкаясь носом в её волосы. Ни разу он не упрекнул её, ни разу не спросил «почему». Лишь

однажды, после очередного неудачного курса, сказал: «Значит, нам двоим достаточно». И Ингрид разрыдалась от такой любви, которая не нуждается в наследниках, чтобы быть настоящей.

И вот — чудо случилось. После долгих лет лечения, после бессонных ночей и слёз, она забеременела. Тест показал две полоски в дождливый вторник вечером. Ингрид не стала звонить — дождалась, пока Сэмюэль вернётся из гаража, и просто молча положила полоску ему на ладонь. Он смотрел на неё с минуту, потом поднял глаза, и в его всегда спокойных глазах стояли слёзы. Он не закричал, не затанцевал — он опустился на колени и прижался лицом к её животу, ещё плоскому, ещё не обещающему ничего, кроме надежды.

С тех пор Сэмюэль находился на седьмом небе от счастья. Его мысли, прежде занятые работой, новостями да редкими воспоминаниями о войне, теперь целиком и полностью принадлежали будущему ребёнку. Он мысленно строил дом заново — прикидывал, где поставить кроватку, где повесить полку для игрушек, как расширить веранду. Для него, человека, который в детстве недоедал и спал на голых досках, который прошёл через окопы и потери, было жизненно важно создать всё самое лучшее для своей семьи. Он хотел, чтобы его сын или дочь никогда не знали голода, холода и страха. Он хотел оставить после себя след — не просто штаны на

гвозде, а настоящую память, корни.

Ингрид же, как и положено матери, уже начала отдавать ребёнку всё своё тепло ещё в утробе. Она разговаривала с ним по вечерам — о селе, о цветах, о том, как прекрасен мир, даже когда идёт дождь. Она гладила свой всё ещё плоский живот и чувствовала, как внутри её зарождается не просто новая жизнь, а новая вселенная. Она стала ещё мягче, ещё терпеливее. Даже кофе теперь пила только по утрам, а на ночь заваривала ромашку.

Спустя месяц после УЗИ, когда врач уверенно сказал «мальчик», Ингрид пришла домой сияющая. Она не стала тянуть — подошла к Сэмюэлю, который возился с забором, и просто шепнула: «Сын». Сэмюэль замер, сжимая молоток. Потом медленно опустил его, снял перчатки, подошёл и взял её лицо в свои шершавые ладони. Он долго смотрел ей в глаза, не говоря ни слова, а потом улыбнулся — той редкой, мальчишеской улыбкой, которую Ингрид видела лишь однажды, в день их свадьбы.

Можете ли вы представить радость и гордость, которые он испытал в тот миг? Это поймёт только тот мужчина, который сам пережил нечто подобное: когда на светофоре вдруг понимаешь, что ты не просто проживаешь дни, а создаёшь будущее. Когда твоя кровь, твоё имя, твои глаза продолжают

жить после тебя. Это чувство несравнимо ни с чем — оно глубже любви, острее счастья, тяжелее любого долга.

Через несколько дней после этой новости Сэмюэль вернулся с работы, молча переоделся и взял лопату.

Ингрид удивилась — вечер уже клонился к закату, и солнце висело низко, окрашивая небо в персиковые и лиловые тона. Он выбрал место в дальнем углу двора, там, где земля была посвежее, где старый орех отбрасывал длинные тени и куда утром заглядывало солнце. И начал копать. Когда Ингрид вышла на крыльцо с вопросом, он просто сказал:

— Хочу посадить дерево. Яблоню. И рядом с ней построить беседку. Когда дерево вырастет — а оно вырастет крепким и широким, как наша любовь, — наши внуки будут собираться в этой беседке, смотреть на яблоню и вспоминать нас.

Ингрид прижала руки к груди и заплакала — но теперь это были слёзы умиления, такие же светлые, как вечернее небо. Она кивнула.

Сэмюэль копал до темноты. Потом зажёл фонарь, подвесил его на ветку, и продолжил. Ингрид принесла ему чай в термосе и плед, чтобы не замёрз, когда будет отдыхать. Они почти не разговаривали — слова были лишними.

На следующий день после работы он привёз из города саженец — молодую яблоню, с тонкими корешками и первыми зелёными почками. Опустил её в яму, расправил корни аккуратно, как хирург, присыпал землёй, полил. Ингрид стояла рядом, положив руку на его плечо. Потом они вместе притоптали землю и установили колышек, чтобы ветер не сломал молодой ствол.

Спустя ещё два дня была готова и беседка. Сэмюэль сколотил её из сосновых досок — простую, незатейливую, но крепкую. С двускатной крышей и маленьким столиком внутри. Он даже приладил полочку для свечи и керосиновой лампы. А по краям вкопал два старых колеса от телеги, обвитых диким виноградом — для уюта.

И, конечно, в ближайшую субботу в кругу соседей и друзей это дело отмечали по старой доброй традиции. Мангал дымился как обычно, мясо шипело, из домов принесли кто — домашнее пиво, кто — соленья, кто — свежий хлеб. Мужчины хлопали Сэмюэля по плечу, осматривали беседку, кивали с уважением. Женщины обнимали Ингрид, гладили её ещё незаметный живот и шептали: «Теперь у тебя всё будет хорошо, ты увидишь». А когда стемнело, зажгли в беседке лампу, и Сэмюэль, подняв кружку, сказал негромко, но так, что слышали все:

— За тех, кто придёт после нас. Чтобы у них был дом. И дерево. И чтобы они помнили.

Ингрид улыбнулась сквозь слёзы, прижалась к его плечу, а над ними, в начинающейся темноте, тихо шелестела молодая яблоня — обещающая, что через годы под её сенью действительно соберутся внуки и правнуки, и будут слушать истории о тех, кто посадил этот сад.

Глава третья: «Вырастить сына».

Шло время, и мир увидел наследника — Габриэля. Мальчик появился на свет в тот самый миг, когда за окном, кажется, сама природа выдохнула с облегчением. Ингрид с головой ушла в ту тихую, всепоглощающую реку, что зовётся материнством. Каждый день её был расписан по минутам: кормление, купание, первые шаги, первые слёзы и смех. Сэмюэль же смотрел на сына и чувствовал странное, доселе неведомое спокойствие. Словно миссия, которую он нёс в себе долгие годы, наконец исполнилась. Теперь можно было просто работать.

И он работал. На двух работах. Иногда ему казалось, что его жизнь — это бесконечная смена колёс, гаек и подписей в путевых листах, но когда он возвращался домой и видел

горящий в окне свет, усталость отступала.

Годы текли неспешно, как вода по старому каналу. Габриэль рос. Материнская любовь укутала его в такой плотный кокон, что он и сам не заметил, как стал избалованным. Ингрид не видела этого — разве мать способна разглядеть в родном сыне что-то, кроме совершенства? Но в нём жил и отцовский стержень: то самое тихое, упрямое чувство справедливости, которое передавалось не словами, а кровью. Мальчик был красив — ладный, с правильными чертами лица, с той спортивной статью, что бросается в глаза на футбольном поле, где он играл за школьный клуб. За ним бегали девчонки, а он лишь отмахивался: некогда.

После уроков Габриэль частенько сбегал с друзьями — то в лес, то на речку. Плескались до посинения, загорали на обрыве, жевали какую-то траву, спорили о пустяках. Он попадал в переделки — то забор сломают, то кого-то обидят нечаянно, — но всегда знал ту самую невидимую черту, за которую заступать нельзя. Потому что подвести мать? Нет. И отца, который хоть и редко бывал дома, но если смотрел, то так пристально, что становилось не по себе.

Со временем всё воспитание легло на мать. Сэмюэль исчезал в своих рейсах, а по вечерам, если выдавался свободный час, сидел с соседями на лавочке, попивая пиво и об-

суждая, кто кому должен крышу перекрыть. Габриэль иногда выходил к ним, здоровался и уходил дальше. Отец и сын понимали друг друга без слов, но этих слов становилось всё меньше.

Когда школа осталась позади, Ингрид приняла решение: Габриэль поедет в Прингсвил, поступать в колледж. Она собрала вещи — свои и его, — нашла работу в магазине неподалёку, и они уехали. Сэмюэль остался в селе. Дом, хозяйство, старая коммунальная фирма — вот что стало его миром.

Два года пролетели незаметно. Габриэль учился хорошо, даже с отличием закончил колледж — словно хотел доказать самому себе, что может больше, чем просто гонять мяч по школьному полю. И когда он вернулся — уже взрослым, с матерью под руку, — отцовский дом встретил их привычным запахом солярки, и яблони, что разрослась у забора.

Глава четвёртая: «Юность».

Вернувшись домой после учёбы, Габриэль пытается обрести себя. Он поступает на работу в фирму родителей, но быстро понимает: это не его. Последовало увольнение. Вечерами — друзья, девушки, гулянки; время течёт сквозь пальцы, теряя очертания.

Сэмюэль смотрит на это снисходительно: Габриэль — его сын, наследник, будущее рода. А вот Ингрид каждый вечер проводит с мальчиком долгие беседы, пытаясь направить его на тот единственный «путь истинный», который материнское сердце чувствует для своего дитя.

После очередной безбашенной ночи и разговора с матерью Габриэля накрывает стыд. Он не оправдывает надежд. И тогда, как когда-то многие его сверстники, он принимает решение — уйти в армию. Проверить себя. Повзрослеть. Стать мужчиной.

Габриэль оказывается в пехотной роте. Здесь он знакомится с Алланом и Стивеном — ребятами, которые станут ему ближе братьев. В армии он находит себя. Служба летит незаметно: Габриэля любят, начальство ставит в пример, друзья знают — на него можно положиться.

Когда приходит время увольняться, все трое принимают решение остаться по контракту. Они из одной деревни и хорошо понимают: дома их ждёт глухая бесперспективность. А здесь — город, вечеринки, девушки, свобода. И никого над ухом с наставлениями.

Сэмюэль горд: сын с честью носит погоны, и теперь на

него равняются молодые парни в селе. А Ингрид... Ингрид тоскует. Она так привыкла к своему первенцу, что никак не может принять: он вырос и улетел из отчего гнезда.

Глава пятая: «Взросление».

Дни сменяли друг друга, складываясь в незаметную череду. Днём Габриэль был образцовым военным — подтянутым, собранным, исполнительным. Вечером же маска спадала, и на свободу вырывался обычный парень, не успевший ещё нагуляться вдоволь, вырвавшийся из-под родительского крыла, словно птенец, впервые почувствовавший ветер.

Где бы он ни появлялся, сразу оказывался в центре внимания. Природа наградила его статью и лицом, но главное — речью: поставленной, чистой, не похожей на говорок родного села. Он всегда был опрятен, одет с неброской элегантностью. Каждый вечер — новые девушки, круги сменялись кругами, и Габриэль перестал замечать, как жизнь пролетает мимоходом. День за днём, год за годом — словно песок сквозь пальцы.

В один из таких совершенно обычных вечеров он, как всегда после службы, отправился с Алланом, Стивеном и общим приятелем Фрэнком в бар. Там они заметили компанию девушек, отдыхавших за соседним столиком. Габриэль, переполненный той юношеской жадностью до жизни, когда всё

кажется в новинку и каждое лицо — обещание чуда, вдруг замер. В девушке с голубыми глазами и румяными щеками ему почудилось что-то большее, чем очередная интрижка. Её звали Райана — имя показалось таким же красивым, как и она сама.

Уже на следующее утро она проснулась в его квартире. Габриэль, исполненный счастья, которое он не испытывал давно — а может, и вовсе никогда, — вдруг понял, что не хочет играть в привычные игры. Он посмотрел на неё, ещё сонную, и тихо, почти испуганно, признался, как она ему нравится. Словно впервые в жизни произнося эти слова не для победы, а потому что иначе было нельзя.

С того самого утра Габриэль и Райана больше не расставались. Она переехала к нему — словно так было всегда, словно их вещи просто ждали этого шага. Начались две недели, какие выпадают только в самом начале любви: когда каждый взгляд кажется обещанием, каждое прикосновение — открытием. Они гуляли до рассвета, смеялись без причины, готовили завтрак среди ночи и ссорились только ради того, чтобы сладко мириться. Та первая пора, когда мир сужается до одного человека, а время течёт иначе — то слишком быстро, то замирает вовсе. Это была та самая юношеская влюблённость, беспечная и всепоглощающая, какая бывает только у молодых.

Утро второго десятка их общей жизни выдалось серым и тихим. Райана проснулась с неясной тяжестью внутри — не физической, почти духовной. Как будто кто-то невидимый положил камень туда, где раньше было только легкое счастье.

Она дождалась, пока Габриэль уйдёт на службу, и сделала тест. Две полоски. Маленькое чудо, которое пахло катастрофой.

В её голове всё смешалось. Страх, первая мысль, от которой немеют пальцы. Он пришёл не откуда-то, а из самого детства — из тёмного угла, где пряталась девочка, чья мать умерла слишком рано, а отец стал не защитником, а тираном. Сухой и грубый, с вечно мутными глазами, он не знал слов любви. Только окрик. Только удар. Только холодное молчание, когда она больше всего нуждалась в тепле.

И теперь судьба подкинула ей новую загадку. По одну сторону — отец, который, узнав, может взбеситься. По другую — Габриэль, почти незнакомец с лучистыми глазами. Две недели — это так мало, чтобы доверить кому-то свою жизнь и жизнь будущего ребёнка. А вдруг он испугается? Вдруг уйдёт? Или, хуже того, останется из чувства долга, а потом возненавидит? Райана зажмурилась. Внутри неё росла новая жизнь — а в душе разрасталась пустота от неизвестности.

Вечером Габриэль вернулся со службы. День прошёл как обычно, ничто не предвещало перемен. Ужин, тишина, лёгкая усталость — и вдруг Райана, собрав всю свою хрупкую смелость, подняла на него глаза, полные слёз.

— Я беременна, — сказала она тихо, и каждое слово упало камнем в воду.

Габриэль замер. Мир на мгновение потерял очертания, а потом вернулся — но уже другим. Внутри него столкнулись два голоса.

Первый ликовал: ты мужчина, ты станешь отцом! Это взрослость, честь, продолжение рода, о котором мечтал Сэмюэль. Второй же леденил душу: а что скажет отец? Он ведь даже не знает о Райане. Как признаться? Как объяснить, что сын, которым он гордится, скрывал от него главное?

И всё же Габриэль был сыном своего отца. В решающий миг он взял верх над сомнениями — так же, как Сэмюэль брал верх над трудностями в своё время. Он шагнул к Райане, обнял её, ещё вздрагивающую от плача, и сказал твёрдо:

— Всё будет хорошо. Я с тобой.

Он принял новость не как удар, а как дар. И в ту же минуту окружил её такой заботой и нежностью, словно хотел защитить от всех страхов мира — от её прошлого, от неизвестности, от сурового голоса отца, который пока молчал, но аура его уже витала в комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.